

V.

АРХИМАНДРИТЪ ПОРФИРІЙ,

НАСТОЯТЕЛЬ СТАВРОПИГИАЛЬНОГО СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Некрологъ.)

Соловецкая обитель, духовная литература и русская Церковь недавно лишились достойнѣйшаго и полезнѣйшаго дѣятеля: 26 іюня 1865 года скончался въ Архангельскѣ, хорошо извѣстный читателямъ „Духовной Бесѣды“, архимандритъ Порфирій. Вотъ краткія свѣдѣнія о его жизни, доставленныя намъ изъ Архангельска о. архимандритомъ Веніаминомъ:

„Архимандритъ Порфирій, настоятель Соловецкаго ставропигіального монастыря, былъ сынъ причетника подольской губерніи. По незавидному положенію въ обществѣ своихъ родителей, онъ съ дѣтства своего былъ окруженъ нуждою и бѣдностію; но одаренный Провидѣніемъ прекрасными способностями, онъ вышелъ изъ этого положенія со славою. Полюбивъ трудъ и науку, онъ съ отличномъ успѣхомъ окончилъ курсъ ученія сначала въ подольской семинаріи, а потомъ—въ кievской духовной академіи (въ 1841 году); сынъ тѣца сдѣлался учителемъ духовнаго юношества и воспитателемъ будущихъ пастырей Церкви, въ полтавской семинаріи. Чтобы совершенно отдаться служенію Церкви, онъ добровольно отказался отъ узъ семейной жизни и принялъ на себя обѣты иноческаго житія (въ 1845 г.). Вслѣдъ за постриженіемъ въ монашество, на него, какъ уже заслужившаго вниманіе своею опытностію въ руководствѣ духовнаго юношества, возложена была должность инспектора полтавской семинаріи, которую онъ и проходилъ съ честію до 1850 года. Постоянно усердное служеніе обратило на него вниманіе духовно-училищнаго начальства, и онъ,

опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, въ 1850-мъ году утвержденъ въ должности ректора полтавской семинаріи; но въ Полтавѣ, на этой должности, онъ прослужилъ недолго. Въ 1852 году, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, архимандритъ Порфирій перемѣщенъ въ олонекскую семинарію на ту же должность ректора и проходилъ ее до 1855 года. Провидѣніе указало ему другую дорогу: изъ наставника и руководителя молодого духовнаго поколѣнія, онъ, съ увольненіемъ отъ духовно-училищной службы, возванъ быть наставникомъ и руководителемъ стремящихся къ совершеннѣйшей духовной жизни иноковъ,—сначала во второклассномъ Спасо-Елеазаровскомъ монастырѣ, псковской губерніи, а за тѣмъ—въ 1859 году—въ знаменитомъ Соловецкомъ ставропигіальномъ монастырѣ. Въ этой обители суждено было ему и покончить свою жизнь и перейти въ обители вѣчныя. Прибывъ изъ Соловецкаго монастыря въ городъ Архангельскъ, чтобы воспользоваться пособіемъ врачей, онъ не возвратился живымъ въ обитель. Упорная и продолжительная болѣзнь, полученная имъ въ слѣдствіе неблагоприятныхъ условій суроваго климата и поддерживаемая въ немъ почти во все время его жизни въ Соловецкой обители этими условіями, не уступила пособіямъ медицины. Въ Архангельскѣ ожидала его не поправка здоровья, а смерть; и вотъ та-же святительская рука, которая нѣкогда напѣствовала его благословеніемъ при перемѣщеніи изъ полтавской семинаріи въ олонекскую, благословила его на отшествіе въ другой міръ и посыпала на охладѣвшій трупъ его персть земную“.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о болѣзни и кончинѣ покойнаго о. архимандрита сообщаетъ въ письмѣ къ редактору „Духовной Бесѣды“ бывший сотрудникъ по письменной части, близкій и довѣренный человекъ усопшаго своего настоятеля, соловецкій инокъ, о. Іоасафъ, отчасти извѣстный и читателямъ „Духовной Бесѣды“, по его корреспонденціямъ.

«Вѣроятно, вы уже знаете, пишетъ о. Іоасафъ, что одинъ

изъ усердныхъ дѣлателей въ вертоградѣ Божиѣмъ—православной нашей Церкви, дѣлатель, который, за послѣдніе годы помѣщая въ вашемъ журналѣ „Духовная Бесѣда“ свои прекрасныя рѣчи, ревностно возвѣщалъ людямъ о жизни загробной,—этотъ провозвѣстникъ царствія Христова,—настоятель Соловецкой обители, архимандритъ Порфирій нынѣ самъ отошелъ въ вѣчность,... и притомъ тагъ неожиданно и какъ бы преждевременно. Судя по человѣчески, ему бы только еще жить слѣдовало: не очень преклонныя еще лѣта, крѣпость тѣлесная за нѣсколько лѣтъ назадъ, полезное служеніе св. Церкви,—все это обѣщало о. Порфирію впереди долгую жизнь; но иначе опредѣлилъ судъ Божій... Покорность наша Господу Богу и благодареніе Ему за все да будутъ!

Сколько намъ извѣстно, покойный о. архимандритъ Порфирій пользовался глубокимъ уваженіемъ отъ многихъ представителей русской іерархіи. Весьма довольно есть и теперь служителей алтаря Божія, которые обязаны своимъ воспитаніемъ покойному о. архимандриту Порфирію; не мало было у него товарищей и по „школьной жизни“, или по службѣ, сохранившихъ дружбу съ нимъ до его кончины; конечно, есть и родственники; а сколько такихъ людей, которымъ онъ подавалъ руку помощи! Всѣ эти люди, мы думаемъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ узнаютъ о кончинѣ уважаемой ими священной особы и отъ всей души помолятся о упокоеніи въ селеніи святыхъ священно-архимандрита Порфирія.

Поэтому самому мы рѣшились утруждать ваше в—біе своею покорнѣйшею просьбою: не откажитесь напечатать въ своемъ журналѣ „Духовная Бесѣда“ хотя краткое извѣстіе о кончинѣ соловецкаго настоятеля, архимандрита Порфирія, котораго и вы уважали до глубины сердца, какъ достойнаго собрата о Господѣ и сотрудника на пользу общаго блага. Повѣрьте, о. протоіерей, что покойный о. архимандритъ и вась глубоко уважалъ и благодарилъ до самой своей кончины за ваши услу-

ги ему лично и Соловецкой обители и постоянно выражалъ сѣтованіе, что онъ не можетъ по болѣзни ни письменно выразить вамъ свою благодарность, ни чѣмъ-нибудь доказать свою любовь и уваженіе. Вашъ журналъ у него былъ первый журналъ: его онъ прежде всѣхъ распечатывалъ и прочитывалъ, такъ сказать, до слова.

О болѣзни покойнаго о. настоятеля соловецкаго скажу вамъ вотъ что: въ 1859 году онъ прибылъ въ Соловецкій монастырь, какъ совершенно—мужъ крѣпкій, и о болѣзни, кажется, ничего не думалъ. Къ несчастію, соловецкій сѣверный климатъ пришелся далеко не гармонирующимъ съ его натурою, сложившеюся на югѣ. Цѣлый годъ впрочемъ не было замѣтно вреднаго вліянія климата на его здоровье. Но наступившая осень 1860 года не могла уже скрывать этого вліянія; въ первый разъ неожиданно, повидимому, безъ всякихъ причинъ, вдругъ застигла бѣднаго пришельца съ юга злокачественная сѣверная болѣзнь—простуда, покрывшая все, съ ногъ до головы, нѣжное тѣло мелкою сыпью, постепенно превращающеюся въ гнилыя струппы, и такамъ образомъ не видала мучить свою жертву до самой весны, воспрещая не только служить, но и посѣщать храмъ Божій. Настало лѣто, болѣзнь куда-то скрылась. Пришла зима 1861 года,—опять таже исторія; страдалецъ, кое-какъ двигаясь по маленькой нарочно *нажаренной* комнаткѣ, нетерпѣливо, даже со слезами, дожидалъ, какъ матери родной, весны, отъ которой надѣялся получить избавленіе, и которая дѣйствительно доставляла его. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, въ зимнее время повторялась съ нѣкоторымъ усиленіемъ все одна и таже болѣзнь, и покойный, съ покорностію воли Божіей, переносилъ все, ожидая какого-нибудь исхода—къ лучшему, или худшему. Въ зиму 1864 года о. архимандритъ страдалъ болѣе прежняго, а потому—рѣшился выѣхать на два лѣтнихъ мѣсяца въ Архангельскъ за медицинскою помощію. Помощь значительная была

здѣсь подана, но все-таки не выгнала болѣзни. Между тѣмъ наступала осень, долгъ службы и обстоятельства потребовали больного на мѣсто, — награждающее новыми болѣзнями, не изцѣляя прежнихъ, и онъ, вопреки совѣту врачей, съ вѣрою въ Промыслъ Божій, отправился въ Соловки. Осень эта была для него лучше предшествующихъ; обыкновенная болѣзнь долго не наступала и какъ бы совсѣмъ исчезла, но на самомъ дѣлѣ было не то: болѣзнь ушла внутрь. Первый день новаго 1865 года былъ днемъ новыхъ тяжелыхъ страданій для несчастнаго, и уложилъ его окончательно въ постель. Болѣзнь прежняя стала мучить больного изнутри самымъ сильнымъ колющимъ и ломотою во всемъ тѣлѣ, такъ что онъ выражался своимъ друзьямъ, что самое существованіе его въ Соловецкой обители сдѣлалось жалкимъ и невыносимымъ и жизнь на свѣтѣ стала не мила!... Теперь, ни днемъ, ни ночью, ему не было отрады: ломота и стужа въ всемъ тѣлѣ усиливались время отъ времени. Жизнь, при жалкихъ, безотрадныхъ стenanіяхъ, видимо погасала, хотя и тихо; къ веснѣ 1865 года изъ крѣпкаго мужа, — виднаго собою, — сдѣлался скелетъ, покрытый кожей и едва имѣвшій дыханіе. Приглашенные въ монастырь врачи, хотя и видѣли всю опасность больного, однакожъ не откладывали надежды, и съ нею вызвали больного въ Архангельскъ; но надежда вся рушилась, и воля Божія совершилась 26 іюня въ 4 часа пополудни.

Послѣ покойнаго о. архимандрита Порфирія весьма довольно осталось трудовъ ученыхъ, не приведенныхъ въ порядокъ, и приведутся ли они, — не знаемъ» (1).

Третій корреспондентъ нашъ описываетъ съ особенною подробностію отпѣваніе и погребеніе почившаго.

„Іюня 29 числа, преосвященнѣйшій Наонаилъ, епископъ

(1) Покорнѣйше просимъ, если можно, сообщить ихъ намъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Нѣкоторыя рукописи впрочемъ находятся уже въ редакціи «Духовной Бесѣды» и будутъ напечатаны. *Ред.*

архангельскій и холмогорскій, въ архангельскомъ кафедральномъ соборѣ, „въ собраніи всего градскаго духовенства, при необыкновенно многочисленномъ стеченіи народа (1)“, совершилъ надъ усопшимъ архимандритомъ Порфиріемъ самое торжественнѣйшее отпѣваніе. Причиною сему отчасти послужило то, во первыхъ, что архипастырь питалъ къ покойному архимандриту Порфирію, — своему давнему подчиненному и сослуживцу (2), мужу просвѣщенному, достойному всякаго уваженія, такую любовь о Господѣ, какая только можетъ быть при самой искренней дружбѣ между такими священными особами. Кроме того, усопшій во все пребываніе свое въ Соловецкой обители всегда пользовался глубокимъ уваженіемъ отъ всѣхъ архангельскихъ гражданъ, видѣвшихъ въ немъ — кто искренняго друга и ученаго сотрудника (3), кто — любвеобильнаго благодѣтеля (4), а всѣ вообще — ревностнаго проповѣдника истины, громкое слово коего летѣло изъ отдаленной сѣверной пустыни не только въ Архангельскъ, но и во всѣ концы Россіи. Не будемъ говорить подробно о похоронной процессіи, которая произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе; скажемъ только, что при отпѣваніи было произнесено три слова: архимандритомъ Веніаминомъ, — ректоромъ архангельской семинаріи, и двумя лучшими студентами той же семинаріи; кромѣ того, одно приготовленное слово осталось не произнесеннымъ, единственно по случаю крайняго изнеможенія въ силахъ преосвященнѣйша-

(1) Изъ письма преосвященнаго Наонаила.

(2) Въ полтавской епархіи.

(3) Покойный архимандритъ послѣдніе годы состоялъ сперва дѣйствительнымъ, потомъ почетнымъ членомъ архангельскаго статистическаго комитета.

(4) Какъ покойный любилъ и благодѣтельствовалъ своимъ сосѣдямъ — жителямъ г. Архангельска, это можно отчасти видѣть изъ приложенія къ «Духовной Бесѣдѣ» 1864 года, о соловецкихъ пароходахъ, гдѣ говорится о даровомъ плаваніи этихъ гражданъ на соловецкихъ пароходахъ въ монастырь, не говоря уже о другихъ милостяхъ о. архимандрита, извѣстныхъ только самимъ получившимъ ихъ и Богу.

го. Проповѣдники, раскрывая не только труды покойнаго на пользу общаго блага и преимущественно святой Церкви, но и качества души—любившей всѣмъ сердцемъ Господа Бога, *пронесѣннаго ею предъ людьми*, невольно приводили слушающихъ въ умиленіе и заставляли сердечно, иныя даже со слезами и колѣнопреклоненіемъ, молиться о упокоеніи въ селеніи праведныхъ труженика Христова. Съ окончаніемъ отпѣваній, въ 3-мъ часу пополудни, гробъ съ тѣломъ усопшаго, сопровождаемый духовенствомъ, безчисленнымъ народомъ и гуломъ колоколовъ всѣхъ церквей городскихъ, былъ перенесенъ на соловецкій пароходъ, для отправки, по желанію самого почившаго настоятеля и братіи, въ Соловецкую обитель. Преосвященнѣйшій Наанаилъ назначилъ одного изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго, инспектора архангельской семинаріи, архимандрита Доната, съ однимъ протоіереемъ и лучшими изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, сопровождать гробъ до самой обители. 30-го числа уже и Соловецкая обитель была поражена нежданною вѣстію о смерти своего настоятеля и увидѣла драгоценный прахъ его! Появившійся вдали пароходъ сперва не представлялъ намъ ничего особеннаго; но когда, вопреки обыкновенію, далеко еще отъ пристани онъ сталъ на якорь и показалъ черный флагъ, то не нужно было долго разгадывать, въ чемъ дѣло; быстро принесшійся съ парохода катеръ окончательно увѣрилъ въ совершившемся; а чрезъ нѣсколько минутъ тысячный колоколъ, *одлтый насоро съ траурѣ*, возвѣстилъ горестную вѣсть о семъ и всѣмъ, даже отдаленнымъ обитателямъ скитовъ и хижинъ соловецкихъ. Быстро собралась вся братія къ святымъ вратамъ обители, отъ коихъ тотчасъ, чинно потянулась цѣлая вереница ипоковъ, съ крестомъ и хоругвями во главѣ, къ паровой пристани, гдѣ уже стоялъ и самый пароходъ. Съ парохода гробъ принятъ былъ на рамена старшею соборною братією и, сопровождаемый архимандритомъ Донатомъ, при пѣніи архіерейскими пѣвчими прмосовъ: *Помощникъ и по-*

кровитель бысть мнѣ во спасеніе,—перенесенъ въ обитель и поставленъ въ Преображенскомъ соборѣ на особо устроенномъ возвышеніи. Двое сутокъ обитель Соловецкая, взирая на новый гробъ, съ горькими слезами молилась ко Господу о упокоеніи со святыми отца ея, священно-архимандрита Порфирія; во всѣхъ церквахъ въ эти дни совершались заупокойныя литургіи и многократныя панихиды, по желанію братіи. 2-го іюля въ Преображенскомъ соборѣ совершалъ заупокойную Божественную литургію архимандритъ Донатъ со старшею братією и, послѣ литургіи, послѣднюю надгробную панихиду, на которой было однихъ участвующихъ въ служеніи іеромонаховъ болѣе 30 человекъ, а присутствующихъ едва вмѣщала обширнѣйшій соборъ. Еще разъ предстоятель, архимандритъ Донатъ, на панихидѣ, почтилъ покойнаго своею прекрасною рѣчью, въ которой описалъ подвижничество усопшаго на ученомъ поприщѣ, которое не маловажнѣе подвижничества иноческаго и также угодно Богу. Панихида кончилась, братія воздала послѣднее поклоненіе скрывшемуся во гробъ своему настоятелю и за тѣмъ проводила его навсегда на уготованное въ ряду отцевъ своихъ мѣсто подъ Троицко-зосимо-савватіевскимъ соборомъ— между могилами угодниковъ соловецкихъ“ (1).

Въ заключеніе, сообщаемъ выразительное и трогательное —

С Л О В О,

сказанное при погребеніи архимандрита Порфирія, настоятеля Соловецкаго монастыря.

Приидите, последнее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему. Но вотъ уже не мы,—живые, а самъ умершій прихо-

(1) Замѣчательно, что могила сперва была назначена не тутъ, а это мѣсто указалъ совершенно не преднамѣренно одинъ изъ старцевъ, и оно содѣлалось самымъ достойнѣйшимъ верхомъ всѣхъ послѣднихъ почестей, ибо теперь эту новую могилу тѣсно окружаютъ со всѣхъ сторонъ опустѣвшія могилы: святителя Филиппа, преподобныхъ: Зосимы, Савватія, Германа и Иринарха.

дять къ намъ пріять отъ насъ послѣднее цѣлованіе, послѣднее привѣтствіе. Съ сего священнаго мѣста, съ коего онъ умолично возглашалъ намъ словеса жизни и спасенія, теперь уже мы принуждены сказать ему послѣднее слово, послѣднее земное—*прости*. Въ послѣдній уже разъ онъ является между нами въ семъ Божіемъ храмѣ, не для того уже, чтобы изречь намъ устами своими сладкое слово, но самаго себя предлагая въ предметъ нашему слову.

Да, окончилось его земное странствіе, кончено плаваніе, день жизни его закатился къ западу.—Но не отъ многихъ лѣтъ обветшала хранина его души. Нѣтъ; жестокая болѣзнь, полученная имъ здѣсь—почти на краю сѣвера, сокрушила его крѣпкій и не знавшій доселѣ болѣзней, организмъ,—иссушила его тѣло, иссосала изъ него кровь, источила его сердце. Рожденный и воспитанный подъ благораствореннымъ небомъ юга, онъ долженъ былъ, по мановенію Промысла Божія и по распоряженію начальства, идти и пасти стадо, пасущееся не на мѣстѣ злачиѣ и не на водѣ покойнѣ, но тамъ, гдѣ и лѣто дышетъ убійственнымъ хладомъ, гдѣ и безчувственная природа страждетъ и болѣзнуетъ отъ мертвеннаго дыханія полярнаго воздуха. Но не могъ ли бы онъ, при избраніи своемъ въ предстоятеля и вождя витающему на семъ мѣстѣ сонму иноковъ, отречься отъ избранія, словами и моленіемъ одного изъ способнѣйшихъ къ правленію: *молотися, Господи, избери мѡуща мною, еложе послещи* (Исх. 4, 3)? Но онъ помнилъ, что повиновеніе власти цѣнится выше поста и молитвы—подвиговъ самыхъ высокихъ въ спискѣ иноческихъ добродѣтелей, и что истинный послушникъ долженъ быть подобнымъ гладкому шару, безъ сопротивленія и быстро бѣгущему по направленію, какое укажетъ ему толкновеніе руки; и поэтому онъ безъ разсужденія и съ покорностію пошелъ на указанное ему поле къ дѣланію и пребылъ на немъ дѣлательемъ *послушливымъ даже до смерти*.

Шесть почти лѣтъ продолжалось служеніе его сей обители, и сколь многими благодѣтельными подвигами оно сопровождалось! Справедливость требуетъ первѣе всего вспомнить и почтить тотъ его трудъ и подвигъ, который составляетъ истинное украшеніе и славу вѣрнаго пастыря, и въ которомъ подвизаются и могутъ подвизаться не многіе,—это трудъ и подвигъ въ служеніи слову и ученію. Можно сказать, что вся жизнь почившаго протекала среди умственныхъ занятій, въ благочестивомъ стремленіи къ познанію истины, къ умноженію въ себѣ и другихъ спасительныхъ знаній, къ утвержденію нравственныхъ правилъ. Съ сей кафедры, и отсюда, гдѣ только представлялся случай, изъ устъ его слышалось постоянно слово живое и теплое, полное мудрости и силы, рѣчь увлекательная для ума и трогающая сердце, всегда приличная обстоятельствамъ времени и сообразная съ понятіями и нуждами слушателей. Онъ не ослабѣвалъ въ проповѣданіи слова Божія и тогда, когда замѣчалъ въ пасомыхъ невниманіе и холодность къ слушанію; онъ продолжалъ учить и тогда, когда разрушительная болѣзнь совершенно истощила его тѣлесныя силы, и едва онъ могъ отъ изнуренія совершать служеніе.

Быть можетъ, для иныхъ, не извѣдавшихъ тяжести умственнаго труда, не очень важнымъ и досточтимымъ кажется трудъ церковнаго учительства, и не высоко ставятъ учителей церковныхъ; но не такъ разсуждаетъ объ этомъ святая Церковь. Апостолъ Павелъ заповѣдывалъ, чтобъ труждающимся въ словѣ и ученіи воздаема была *сублая* почеть. Другой вселенскій учитель, св. Златоустъ говоритъ: „весьма важно и много содѣйствуетъ благоустроенію Церкви, и великую приноситъ пользу, когда предстоятели ея—люди ученые; а когда этого нѣтъ, то въ Церкви многое погибаетъ“. Поэтому мы должны считать себя счастливыми, что сподобились имѣть въ отцѣ своемъ пастыря просвѣщеннаго.

И къ однимъ ли только своимъ пасомымъ простиралась учи-

тельская ревность почившаго? Однимъ ли только овцамъ, которыя собственно ему были свои, глашалъ онъ словеса своего ученія? Были ины овцы, временно приметавшіяся двору сему, которыя были также предметомъ особеннаго его призрѣнія и попеченія. Это малыя дѣти, въ числѣ иныхъ пришельцевъ безмездно и усердно труждающіяся здѣсь, изъ коихъ многимъ природа и званіе отказали въ образованіи, коего не могла имъ дать любовь родительская, или о коихъ некому было позаботиться. Съ какимъ отеческимъ участіемъ и нѣжнымъ сердоболіемъ старался онъ доставить имъ христіанское образованіе и честныя средства къ жизни, желая содѣлать ихъ истинными чадами Божиими и добрыми слугами обществу и отечеству! Подъ сѣнію обители иноческаго подвижничества онъ устроилъ имъ благолѣпную обитель ученія и жительства, оградивъ ихъ пѣстунами и наставниками, радовался о ихъ преиспѣяніи въ познаніяхъ вѣры и благочестія, утѣшался ихъ предстояніемъ въ церкви и съ одра болѣзни не преставаля простирать къ нимъ нѣжнѣйшую любовь и благословеніе. Мы вѣримъ, что питомцы, призрѣнные и воспитанные имъ въ его вертоградѣ, не забудутъ его отеческаго къ нимъ вниманія и участія, и вознесутъ къ Богу, вмѣстѣ съ своими Ангелами-хранителями, усердное моленіе о его упокоеніи, — и это моленіе будетъ услышано; ибо Господь Самъ сказалъ: *иже приметъ отроча таково во имя Мое — Мене приметъ* (Мат. 18, 5).

Лѣтописи обителей, на память потомству, въ одобреніе и похваленіе бывшихъ предстоятелей, обыкновенно любятъ упоминать на ихъ тщаніе о ви́шнемъ благоустройствѣ обители; почти на каждой страницѣ вы встрѣчаете слова: *основалъ, создалъ, обновилъ, украсилъ, освятилъ*. Сама Церковь почитаетъ таковыя труды, и ежедневно возноситъ моленіе къ Богу *о создательствѣ*, величая ихъ *блаженными* и *приснопамятными*. Въ ряду таковыхъ рачителей церковнаго благоустройства особенно достоинъ благодарной памяти и молитвъ

усоншіи отецъ нашъ. — Имъ, если не основаны, то окончательно устроены и украшены двѣ пустынные обители ⁽¹⁾ для ревнителей совершеннѣйшаго безмолвія на мѣстѣ подвиговъ блаженнаго Савватія. Съ нимъ мы имѣли радость устроить и освятить семь новыхъ благолѣпныхъ храмовъ. Его ревностію и раченіемъ такъ величественно и благолѣпно обновленъ и преукрашенъ и сей достопамятный храмъ, давно ожидавшій себѣ подобающаго благолѣпія и красоты.

А эти, на хребтахъ волнъ морскихъ, величаво и быстро вѣтровъ плавающіе храмы Бога Вседержителя, — поелику и въ нихъ, какъ въ кораблѣ апостольскомъ, соплаваетъ съ вѣрующими Богъ, и достолично чтится славословленіемъ и молитвами, — эти быстродвижные ковчеги славы Божіей, какъ называлъ ихъ самъ почившій отецъ, — не его ли раченіемъ и дѣятельностію устроены и посвящены на службу Божию на водахъ многихъ, ко благу обители и къ утѣшенію всѣмъ, преплывающимъ морскую пучину, благочестивымъ почитателямъ святыхъ Соловецкой?

Не будемъ раскрывать тѣхъ его добродѣтелей, кои онъ любилъ совершать втайнѣ, но изъ коихъ нѣкоторыя, противъ его желанія, дѣлались отчасти вѣдомыми. Многіе, напримѣръ, и изъ здѣ стоящихъ испытывали щедрость его благодѣтельной руки. Но не можемъ умолчать о его многомъ терпѣніи въ перенесеніи постигшихъ его болѣзней. Можно сказать, что половину своей жизни въ сей обители онъ провелъ на одрѣ болѣзни. Каждая зима приносила ему новыя сугубыя страданія, покрывая его плоть, какъ древяго Іова, съ головы до ногъ гнойными болѣзненными струпами. Въ послѣднее полугодіе болѣзнь его, вселившись внутрь, какъ врагъ овладѣвшій городомъ и на все стороны мещущій смертоносными стрѣлами, поражала весь его организмъ столь нестерпимыми страданіями,

(1) Скиты Савватіевскій и на Чудовой горѣ.

что самое жесткое сердце не могло оставаться безучастнымъ. Но онъ не унывалъ въ болѣзняхъ, не малодушествовалъ и не ропталъ, но со смиреніемъ благословлялъ касающуюся его руку Божію, и часто въ благодарномъ чувствѣ взывалъ: *слава Богу о всемъ.*

Къ тебѣ обращаю, почившій отецъ, послѣдніе глаголы моего нѣмотствованія. Съ прискорбіемъ мы взираемъ на гробъ твой и горько сѣтуемъ о разлукѣ съ тобою; но съ другой стороны и радуемся сердцемъ о блаженномъ твоёмъ успеніи. Мы уповаемъ, что душа твоя, искушенная и переплавленная огнемъ тяжкихъ болѣзней и страданій и седмерицею предочищенная всѣми очистительными таинствами нашей вѣры, пошла чистою и свѣтлою въ небесное отечество; потому-то и почилъ ты спомъ смерти съ молитвою на устахъ, тихо, спокойно, мирно и радостно, какъ дитя, засыпающее на лонѣ матернемъ.

Боже духовъ и всякія плоти! Ты тяжкими болѣзнями яко злато въ горнилѣ искусилъ еси раба Твоего, священно-архимандрита Порфирія на землѣ: прими его на небеси въ лоно милосердія Твоего, идѣже веселятся и радуются всѣ, очищенные страданіями и покаяніемъ, убѣленные пречистою кровію закланнаго за насъ Агнца Божія, Господа Иисуса Христа. Аминь.

ГЕРОМОНАХЪ НИКОЛАЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Пророчество Ноя о судьбѣ потомства его сыновей. Рѣчь, при совершении панихиды о усопшемъ Благочестивомъ Государѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Рѣчь преосвященнаго Апостола. Рѣчь преосвященнаго Леонтия.
- II. Распоряженія Св. Синода. Архимандритъ Порфирій, настоятель ставропигиальнаго Соловецкаго монастыря (некрологъ).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Цензоръ А. Макарій. | Въ типографіи Д-та Удѣловъ.

ДУХОВНАЯ БЕСѢДА

11 сентября № 37 1865 года.

С Л О В О

въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня.

Таинъ еси, Богородице, рай, невоздѣлано возраставшій Христа, Имже крестное живоносное на земли насадиша древо; тѣмъ нынѣ возносиму, поклоняющагося Ему, Тя величаемъ.

Между прочими тайнами Новаго Завѣта, и великую тайну Креста Господь предъоткрывалъ людямъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, съ самаго начала міра. Отъ вѣка предопредѣливъ возсоздать падшаго человѣка крестною смертію Единороднаго Своего Сына, еще Адаму объявивъ, что Сѣмя жены сотретъ главу змія, Господь Богъ, да же въ раю еще, предъуказывалъ прародителямъ нашимъ тайну Креста, въ сѣняхъ и гаданіяхъ. Одну изъ этихъ ветхозавѣтныхъ сѣней, указывавшихъ на Животворящій Крестъ Христовъ, проясняетъ для насъ святая Церковь священою пѣснію, которую всѣ мы слышали нынѣ: *Таинъ еси, Богородице, рай, невоздѣлано возраставшій Христа, Имже крестное живоносное на земли насадиша*